

А. В. УСТЮГОВА

Красноярский педагогический колледж № 1 им. М. Горького

СКРЫПЕЛЬ И СКРИПИЦА – ДРЕВНЕРУССКИЕ СМЫЧКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ XVI ВЕКА

Проблема изучения инструментальной культуры Древней Руси остается актуальной для современной музыкальной науки. Многочисленные трудности исследования обусловлены отсутствием самих оригинальных инструментов, а также описаний смычковых инструментов ранних периодов, наличием широкого ряда вариантов наименований и отсутствием письменной традиции передачи скрипачами исполнительских приемов и репертуара. В настоящей статье предпринята попытка воссоздания истории становления древнерусского скрипичного исполнительства и инструментария XVI века.

В древнерусских письменных источниках встречаются несколько терминов, которые могут быть отнесены к ранним наименованиям скрипки: «скрыпель» и «скрипица». Последний термин до сих пор используется в русской музыкальной лексике, преимущественно употребляется в фольклоре. Основа этих слов – древнеславянское звукоподражательное «скри», которое и в существительном «скрип» обозначает резкие звуки от трения: «Скрип род. п. -а, скрипѣть, скриплю, укр. скрипіти, блр. скры́паць, др.-русск. скрипати, болг. скри́пя (Младенов 586), сербохорв. шкри́пати, шкри́пам, словен. škripati, škripan, чеш. skřípati, славц. škripat', škripiet', польск. skrzyp, skrzyrać, в.-луж. křipać, н.-луж. Kśipaś» [8, с. 657–658].

В трактате Еромолая-Еразма «Правительница. Ашу восхотят, царем правительница и землемерие» (Москва, ок. 1549 г.) содержится термин «скрыпель»: «Аще бо в земных обычаех снидуться ко пьянственному питию мужи и жены, придут же ту нѣцци кощунницы, имуще гусли и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны, и иная бесовския игры, и пред мужатицами сия играюще, бесаяся и скача и скверныя пѣсни припѣвая» [6, с. 482]. В цитируемом сочинении, как и в большинстве древнерусских церковных текстах, осуждаются народные игрища и музыкальные инструменты, как часть «бесовских» языческих обрядов. Среди участниц инструментального ансамбля, сопровождающих «скверныя песни», упоминается и

«скрыпель». Еромолай-Еразм называл исполнителей на музыкальных инструментах, в том числе, и на скрыпелях – «кощунницы».

В церковных словарях XVIII–XIX веков «кощунница» – «плясца...актриса, шутиха» [2, с. 110] и «насмехающаяся над святыней; обращающаяся в смех священные предметы» [5, стб. 447]. В исторических словарях древнерусского языка XX века слово «кощунница» определяется как образованное от «кощунник» и имеющее с ним одно лексическое значение: «тот, кто ведет пустые праздные разговоры, болтун; лицедей, скоморох» [4, с. 279–280]. Все толкования объединяет понимание «кощунницы» как скомороха (актёра, танцора, игрока на музыкальных инструментах). В исторических словарях древнерусского языка содержится важное уточнение, что для наименования мужчин-скоморохов использовалось слово «кощунник», а для представительниц женского пола – «кощунница». Поэтому мы можем предположить, что Еромолай-Еразм писал именно об исполнительницах (женского пола) «кощунницах», которые играли на скрыпелях. В славянской средневековой литературе термин «скрыпель» находим только в трактате Еромолая-Еразма¹.

В украинском языке сохранилось слово «скрыпаль» («скрыпаль») – исполнитель на скрипке: «скрыпаль. музыкант, який грає на скрипці» [11, с. 1338]. Женщина, играющая на скрипке, – «скрыпалька»: «жін. до скрипаль» [11, с. 1338]. В рассказе Б. Д. Гринченко употребляется слово с буквой «ы» в корне: «А скрыпаль трясъ об дуба скрыпку та й дав чортови душу съ скрыпки» [12, с. 41]. Древнерусское слово «скрыпель» отличается от украинского «скрыпаль» суффиксом: «-ель» заменяется на «-аль». Суффиксы «-ель» и «-аль» образуют существительное, обозначающее предмет, использующийся в качестве инструмента, с помощью которого выполняется действие или лицо, которое производит действие, выражаемое глагольным корнем. Смысловая близость слов «скрыпель» и «скрыпаль» происходит не только от общности основы – «скрып», но и от суффиксов. Конкретное значе-

ние этих слов мы можем понять только из контекста применения.

Ермолай-Еразм употреблял «скрыпель» в значении музыкального инструмента, поскольку слово стоит в ряду перечисления известного нам инструментария (гусли, сопели, бубны). Слово «скрыпель» здесь указывает на предмет, который использовался в качестве инструмента для воспроизведения действия, заключенного в глагольном корне «скрып». Как мы уже отмечали выше, «скрып» («скрыпение», «скрыпание») обозначало звуки, возникающие от трения. Подобное звучание связывалось со смычковыми инструментами, у которых звукоизвлечение осуществлялось посредством соприкосновения смычка со струнами. Очевидно, что «скрыпель» – смычковый инструмент. Основываясь на том факте, что украинское слово «скрыпаль» до сих пор применяется в значении «скрипач», можно предположить, что термин «скрыпель» применялся в отношении ранней древнерусской скрипки.

В конце XVI века в азбуковниках и лексиконах впервые появляется термин «скрипица». В «Лексис» Лаврентия Зизания «скрипица» определяется через другие музыкальные инструменты: «гусли – арфа, лютня, скрипица» [3, с. 124]. В «Азбуковнике и сказании о неудоб познаваемых речах» схожее толкование: «Скрипица – гусли» [1, с. 184]. В проанализированных текстах лексиконов конца XVI века применялось слово «скрипица» с буквой «и» в корне.

Авторы первых лексиконов относили «скрипицу» к струнным щипковым инструментам и сопоставляли её с гусями, арфой и лютней. А. С. Фаминцын (1890) выдвинул гипотезу о том, что в старинных славянских текстах слово «гусли» обозначало музыкальные инструменты вообще, «чаще же – именно как родовое название для струнных инструментов, но без видового их различия» [7, с. 5]. И. М. Ямпольский (1951) придерживался такой же точки зрения. Н. Ф. Финдейзен (1928) считал, что скрипица еще была неизвестна в древнерусском домашнем и общественном быту XVI–XVII веков и толкователи лексиконов не имели о ней никакого понятия, кроме того, что это должен быть струнный инструмент, отсюда уподобление его гусям и лире. По его мнению, первые скрипки появились в Москве лишь в начале XVIII века. Л. Н. Раабен также полагал, что термином «скрипица» в древнерусских лексиконах именовали гусли, лиру и басовую лютню, поэтому данный музыкальный инструмент нельзя с уверенностью отнести к скрипке.

Если следовать гипотезе о применении в музыкальной лексике Древней Руси классификационных терминов, определяющих принад-

лежность инструмента к определённой группе (духовых, струнных или ударных), то можно допустить, что авторы лексиконов обобщённо относили «скрипицу» к группе струнных инструментов без уточнения способа звукоизвлечения, – главным критерием выступало наличие струн. В «Латинско-немецком словнике с вписанными польскими словами» (1490 г.) мы также наблюдаем определение термина «скрипица» («*skrzyrucze*») через сопоставление с лирой и непосредственно со струной.

На наш взгляд, в лексиконах и азбуковниках XVI века «скрипица» толкуется как иностранное слово, которое обозначало струнный инструмент. Возможно, что его определение было заимствовано из иностранных словотолковников, доказательством чего является общность его интерпретации с более ранними древнепольскими словниками.

Таким образом, анализ древнерусских текстов XVI века выявил наличие в них исконно русского слова – «скрыпель» и слова «скрипица», которое встречается и в других славянских языках (например, в древнепольском, в старобелорусском). Становление скрипичного исполнительства на Руси происходило в тесной связи с инструментальной культурой других славянских государств, на что указывают русские и заимствованные слова в древнерусской музыкальной лексике. Этим объясняется общность терминологии и внешнего вида инструментария.

Поскольку до нашего времени не сохранилось русских описаний или подписанных иллюстраций инструментов скрыпели и скрипицы, то мы можем лишь строить догадки о том, как выглядели эти инструменты. Очевидно, что эти смычковые инструменты не были скрипкой классического образца, поскольку она сформировалась в творчестве мастеров итальянской школы не ранее конца XVI века, а трактат Ермолая-Еразма был написан в середине XVI века. Скрипки польских мастеров, приближенные к форме инструмента классического скрипичного вида, также появляются не раньше конца XVI века. Наиболее ранние образцы польских скрипок наблюдаем в творчестве скрипичного мастера Марцина Гроблича Старшего «Краковского» (род. до 1550 – умер после 1609).

Исследователи истории смычкового искусства И. М. Ямпольский (1951), В. И. Григорьев (1990), С. В. Муратов (1994), В. Н. Горбунов (2004) полагали, что «скрыпель» – «наиболее раннее наименование скрипки» [10, с. 31]. На наш взгляд, «скрыпель» и «скрипица» представляют собой первые древнерусские смычковые инструменты скрипичного вида, которые мы опреде-

ляем общим, собирательным термином «предклассическая скрипка».

Образ этого инструмента нами определен на основании описаний «скрипицы» в западноевропейских текстах XVI – начала XVII веков (трактаты М. Агриколы 1528 г. и М. Преториуса 1618 г.; стихи польской окказиональной политической поэзии конца XVII века), а также древнерусских иллюстраций смычковых инструментов XV–XVII веков (рассмотрены инструменты скрипичного вида небольших размеров с выемками по бокам корпуса). Наиболее детально инстру-

менты скрипичного вида изображены на миниатюрах из Лицевого летописного свода Ивана Грозного (см. рис. 1).

На наш взгляд, для предклассической скрипки характерны следующие конструктивные черты: восьмёркообразный корпус с выемками по бокам, плоская головка или в форме завитка (встречается значительно реже), шейка и продолженный гриф без ладов, подставка для струн, струнодержатель в форме петли или крюка; три струны (реже четыре струны), средних размеров лукообразный или полудукообразный смычок.

Рис. 1. Миниатюра «Венчание Елены и Париса» из Лицевого летописного свода Ивана Грозного (XVI век)

В древнерусском смычковом исполнительстве на протяжении XVI–XVII веков способ игры на скрипке еще только устанавливается: чередуется вертикальное и горизонтальное расположение инструмента при игре, причем заметно преобладает манера удерживания – «а гамба». Даже, в Букваре К. Истомина (1691 год), в котором содержатся первые древнерусские изображения смычковых инструментов похожих на классическую итальянскую скрипку, воссоздано как вертикальное, так и горизонтальное игровое положение. В Западной Европе зависимость способа держания инструмента от его величины и строения появляется не ранее XVII века. Б. А. Струве выявил, что в западноевропейском смычковом исполнительстве до полного оформления виольного и скрипичного семейств манера игры не обусловлена размерами инструментов в отличие от современного искусства (скрипка и альт держатся «а браччо», виолончель и контрабас – «а гамба»).

Древнерусские письменные источники позволяют обозначить XVI век как время зарождения русского скрипичного исполнительства. Это время поиска и отбора наиболее совершенных форм смычковых инструментов и игровых приемов. Музыкальная лексика характеризовалась различными наименованиями скрипки («скрыпель», «скрипица»). На иллюстрациях мы также видим вариативность способов игры и строения инструментов скрипичного вида. В церковных документах игра на скрипке осуждается и описывается, как «бесовския», наряду с другими русскими народными музыкальными инструментами. На наш взгляд, скрипка первоначально появилась на Руси в музыкальной среде скomorошества, а затем распространилась в другие социальные слои. Становление древнерусского скрипичного исполнительства происходило в широком взаимодействии с инструментальными традициями и культурой славянских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В процессе исследования автором было проанализировано более 600 источников, относящихся к изучаемому периоду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбуковник и сказание о неудоб познаваемых речах, их же древние переводницы не удоволишася предложить на русский язык (составлен по спискам XVI–XVII веков) // И. П. Сахаров Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 5. Словари русского языка. СПб.: Изд. Сахарова, 1849. С. 137–191.

2. Алексеев П. Дополнение к Церковному словарю. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776. 324 с.

3. Зизаний Л. Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы // Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 5. Словари русского языка. СПб.: Изд. Сахарова, 1849. С. 121–131.

4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 томах / АН СССР. Институт русского языка. Главный редактор Р. И. Аванесов. Т. 4. Изживати – Моление. М.: Русский язык, 1991. 559 с.

5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1867. 988 стб.

6. Сочинения Ермолая–Еразма (Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод А. А. Алексеева и Л. А. Дмитриева) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитри-

ева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 474–484.

7. Фаминцын А. Гусли, русский народный музыкальный инструмент: Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примерами. СПб: Типография императорской академии наук, 1890. 135 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III (Муза – Сят) / Пер. с нем. О. Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. 831 с.

9. Шмидт О. К изучению лицевого летописного свода // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М.: Наука, 1983. С. 204–211.

10. Ямпольский И. Русское скрипичное искусство. Очерки и материалы. Часть 1. М.–Л.: Гос. муз. изд-во, 1951. 516 с.

11. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

12. Гринченко Б. Скрыпаль // Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Выпуск 1. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. Чернигов: Типография Губернского Земства, 1895. С. 40–41.

REFERENCES

1. Azbukovnik i skazanie o neudob poznavаемых rechax, ix zhe drevnie prevodnicy ne udovolishasya prelozhiti na russkij yazyk (sostavlenn po spiskam XVI–XVII vekov) [Azbukovnik and the legend of inconvenient cognitive speeches, their ancient predvodnitsy not satisfied preach into Russian (compiled from the lists of the 16th–17th centuries)]. I. Saharov Skazaniya russkogo naroda. T. 2. Kn. 5. Slovarei russkogo yazyka [Legends of the Russian people. V. 2. B. 5. Dictionaries of the Russian language]. S.-Petersburg: Saharov's PH, 1849. P. 137–191.

2. Alekseev P. Dopolnenie k Cerkovnomu slovaryu [Appendix to the Church Dictionary].

Moscow: the Moscow Imperial University PH, 1776. 324 p.

3. Zizanij L. Leksis, sirech` recheniya vkratce sobranny` i iz slovenskogo yazyka na prosty` russkij diyalekt istolkovany [Lexis, that is to say, the sayings are briefly collected and from the Slovenian language into simple Russian dialect are interpreted] / I. Saharov Skazaniya russkogo naroda. T. 2. Kn. 5. Slovarei russkogo yazyka [Legends of the Russian people. V. 2. B. 5. Dictionaries of the Russian language]. S.-Petersburg: Saharov's PH, 1849. P. 121–131.

4. Slovar` drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). V 10 tomah. AN SSSR. Institut russkogo yazyka.

Glavny'j redaktor R. Avanesov. T. 4. Izzhivati – Molenie [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries.). In 10 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian language / ed. by R. Avanesov. Vol. 4]. Moscow: Russkijazyk, 1991. 559 p.

5. Slovar' cerkovnoslavyanskogo i russkogoazyka, sostavlenyj Vtory'm otdeleniem Akademii nauk. T. 2 [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Division of the Academy of Sciences. Vol. 2]. S.-Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1867. 988 p.

6. Sochineniya Ermolaya–Erazma (Podgotovka teksta i kommentarii R. P. Dmitrievoj, perevod A. Alekseeva i L. Dmitrieva) [Works of Ermolai–Erazm (Preparation of the text and commentary by P. Dmitrieva, tr. by A. Alekseev and L. Dmitriev)]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 9: Konecz XIV – pervaya polovina XVI veka [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 9: The end of the 14th – the first half of the 16th century]. S.-Petersburg: Nauka, 2000. P. 474–484.

7. *Famincyn* A. Gusli, russkij narodny'j muzykal'ny'j instrument: Istoricheskij ocherk s mnogochislenny'mi risunkami i notny'mi primerami [Gusli, Russian folk musical instrument: Historical essay with numerous drawings and musical examples]. S.-Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1890. 135 p.

8. *Fasmer* M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. I (A – D). Perevod s nemeckogo O. N. Trubacheva, s dopolnenijami. Pod red. i s predisloviem prof. B. A. Larina [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I (A – D). Tr. by O. N. Trubachev / ed. by prof. B. A. Larin]. Moscow: Progress, 1986. 573 p.

9. *Shmidt* O. K izucheniyu licevogo letopisnogo svoda [To the study Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible]. Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Sbornik tretij [Ancient Russian art. Manuscript]. Moscow: Nauka, 1983. P. 204–211.

10. *Yampol'skij* I. Russkoe skripichnoe iskusstvo. Oчерki i materialy. Chast' 1 [Russian violin art. Essays and materials. Part 1]. Moscow–Leningrad: Muzgiz, 1951. 516 p.

11. Velikij tlumachnij slovník suchasnoï ukrainskoï movi (z dod. i dopov.) [Great explanatory dictionary of modern Ukrainian language]. Kiev; Irpin: VTF Perun PH, 2005. 1728 p.

12. *Grinchenko* B. Skrypal' [Violinist]. Etnograficheskie materialy, sobrannye v Chernigovskoj i sošdnix s nej guberniyax. Vy'pusk 1. Razskazy, skazki, predaniya, poslovice, zagadki i pr. [Ethnographic materials collected in Chernigov and its neighboring provinces. Iss. 1. Stories, tales, proverbs, riddles and more]. Chernigov: Typography of the Gubernskoe Zemstvo, 1895. P. 40–41.

СКРЫПЕЛЬ И СКРИПИЦА – ДРЕВНЕРУССКИЕ СМЫЧКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ XVI ВЕКА

В статье поднимается вопрос истории становления древнерусского скрипичного исполнительства и инструментария XVI века. Автор широко освещает научные достижения в этой области, приводя, в некоторых случаях, прямо противоположные точки зрения авторитетных исследователей на проблему появления скрипки на территории русского государства. Результаты сравнительного исторического анализа древнерусских письменных памятников в сопоставлении с изобразительными источниками дают возможность составить представление о внешнем облике древнерусской скрипки XVI века и особенностях игры на ней. Основными источниками исследования вопроса стали для автора трактат Ермолая–Еразма, «Лексис» Лаврентия Зизания, азбуковники, буквари и

лексиконы XVI века. В статье приводятся иллюстрации миниатюр из Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Автор отмечает, что древнерусские смычковые инструменты зародились в среде скоморохов и стали неотъемлемой частью их жизни. В свою очередь скрипичные инструменты осуждались церковью как «гудебный бесовский сосуд». В статье высказана мысль о том, что зарождение и развитие скрипичного исполнительства тесно связано с инструментальными традициями славянских народов. Смычковые инструменты скрыпель и скрипица определены как образцы предклассической скрипки.

Ключевые слова: скрипка, скрыпель, скрипица, древнерусское скрипичное исполнительство.

SKRYPEL AND SKRYPITSA –
EARLY RUSSIAN BOW INSTRUMENTS OF THE SIXTEENTH CENTURY

The article raises the question of the violin performance and musical instruments in the 16th century Russia. The author widely covers scientific achievements in this field, citing, in some cases, directly opposite points of view of authoritative researchers on the problem of the appearance of a violin on the territory of the Russian state. The results of a comparative historical analysis of ancient Russian manuscripts in comparison with visual sources provide an opportunity to get an idea of the origin of the early Russian violin of the 16th century and the peculiarities of playing on it. For the author, the main sources of the study were the Ermolai–Yerazm’s treatise, Lexis by Lavrenty Zizania, ABCs and lexicons of the

16th century. The article provides illustrations of miniatures from the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. The author notes that the origin of the early Russian stringed instruments is connected with the creativity of buffoons and became an integral part of their life. On the other hand, the violin instruments were condemned by the church as a “burial demonic vessel”. The author suggested that the emergence and development of violin performance was closely related to the instrumental traditions of the Slavic peoples. String bow instruments *skrypel* and *skrypitsa* are defined as samples of the “pre-classic violin”.

Keywords: violin, skrypel, skrypitsa, ancient Russian violin performance.

Устюгова Александра Викторовна

кандидат искусствоведения
преподаватель музыкально-теоретических дисциплин
Красноярский педагогический колледж №1 им. М. Горького
Россия, 660049, Красноярск
e-mail: uav80@mail.ru

Alexandra V. Ustyugova

PhD in Musicology
musical-theoretical disciplines teacher
M. Gorky Krasnoyarsk Pedagogical College №1
Russia, 660049, Krasnoyarsk
e-mail: uav80@mail.ru

